

потребовало бы ничего, кроме чисто механических рациональных усилий, дабы попытаться транскрибировать представленные в картинках операции и материальные феномены, переписать их на сей раз более точным языком современной химии. Однако дело обстоит совсем иначе.

Действительно, на великолепных изображениях «Немой книги» представлены алхимик и его компаньонка, совершающие операции, как то: подготовка и смешивание конкретных минеральных субстанций, наблюдение за медленной варкой первичной материи. Однако этот материальный уровень «чтения» отнюдь не является единственно возможным, как раз наоборот. Вопреки привычным представлениям, фигуры «Немой книги» чудесным образом прилагаются к различным планам истолкования: то речь идет о чисто материальных операциях, то об упражнениях в визуализации, ведущей к экстазу, то о совершенно символических персонажах, то о конкретных ритуалах; иногда одна и та же фигура одновременно несет в себе несколько значений.

Поскольку же автор постарался избежать расположения фигур в порядке, в котором должны были совершаться операции реализации Великого Делания, можно представить себе те чрезвычайные затруднения, с которыми столкнулся бы пожелавший «перевести» «Немую книгу» на ясный и рациональный язык.

Даже если ограничиться рассмотрением операций в минеральном царстве, в этих изображениях мы неожиданно будем замечать переход от конкретных описаний к аллегории. Мы видим, как алхимик и его жена готовят первичную материю Великого Делания, сооружают печь (атанор) и наблюдают за заключенным в ней хрустальным герметическим сосудом...

Некоторые рисунки несут символический характер - маленький ребенок на одном из изображений является не существом из крови и плоти, а символом философского камня.

Одновременно с материальными операциями Великое Делание алхимика включало в себя специальные духовные упражнения, которыми занимались всегда в тесной связи с манипулированием материей делания. Очевидно, западная герметическая аскеза соответствовала тайным приемам визуализации и освобождения, которые практикуются в индуистском и буддистском тантризме. Отсюда проистекает необходимость научиться расшифровывать изображения, по крайней мере в большинстве случаев, двумя дополняющими друг друга способами - в материальном и духовном отношении. Изображение женщины, работающей вместе с супругом, могло одновременно представлять и реальную спутницу жизни (помогающую на всем протяжении работы), и женскую часть души, с которой алхимик воссоединялся в мистическом союзе.

Однако некоторые изображения, представленные в «Немой книге», невозможно понять с достаточной полнотой, если не соотнести их с целями озарения, кои достигались в процессе Великого Делания. Это касается титульной страницы, где изображена лестница Якова, у подножия которой мы видим спящего алхимика. Имеется в виду не обычный сон, а состояние, необходимое для успешного достижения герметического «сна», при котором дух покидает физическое тело, чтобы методически «путешествовать» в высших сферах. Упомянутые путешествия, совершавшиеся посредством магического воображения, более детально показаны на третьей иллюстрации, где алхимическая пара пустилась в «плавание» по высшим, «райским» сферам, возвышающимся над повседневным бытием.

Что касается последней гравюры, то на ней изображено высшее личное освобождение, достигнутое адептом, когда его обычное физическое тело (представленное трупом, лежащим на земле) оказывается замещенным блаженным телом возрожденного Адама.

Быть может, применим и еще один уровень прочтения, единственно способный объяснить некоторые любопытные изображения. Они, кажется, касаются секретов ритуального порядка. На этих изображениях представлена пара алхимиков, делающих руками некие особые жесты, совершающих ритуальные действия, которые тантрическая традиция обозначает словом мудрас. Необходимым сопровождением этих ритуальных действий являлись магические формулы, которые следовало произносить или, вернее,